

торитетом в русской литературе той поры. «Это слишком отзывает новизною, — пишет Карамзин о «Кадме». — Это противно духу тех времен, из которых взята басня». Далее следует интереснейшее сопоставление «Телемака Гомерова и Телемака Фенелонова». «Кто не чувствовал великой разницы между ними? Возьми какого-нибудь пастуха — швейцарского или русского, все равно, одень его в греческое платье и назови его сыном царя итакского: он будет ближе к Гомерову Телемаку, нежели чадо Фенелонова воображения, которое есть не что иное, как идеальный образ царевича французского, ведомого не греческою Минервою, а французскою философіею».¹⁹

В этом суждении обращают на себя внимание два основных момента: во-первых, для Карамзина имеет значение дух времени, во-вторых, важно, о какой стране идет речь. Карамзин дифференцирует разные культуры и по временному и по пространственному признакам: «дух времени» имеет для него и определенную национальную окраску. Так, говоря о достоинствах драмы Калидасы «Саконтала», писатель замечает: «...ее можно назвать прекрасною картиною древней Индии, так, как Гомеровы поэмы суть картины древней Греции, — картины, в которых можно видеть характеры, обычаи и нравы ее жителей» (II, 118).

Стремясь познакомить читателя с культурами разных времен и разных народов, Карамзин помещает в «Московском журнале» свои переводы из «Саконталы» и из поэм Оссиана, воспринимавшихся в то время как подлинные произведения фольклора.²⁰ Интерес Карамзина к Оссиану опять-таки связан с его преимущественным (в этот период) вниманием к мифу, а не к историческому факту. Умение проникнуться поэзией северной мифологии, воспроизвести ее «дух» ценит Карамзин-критик в творчестве английского поэта Сеерса.

Античная, древняя северная и древняя восточная культуры — каждая из них имеет для Карамзина свою неповторимую прелесть. У Карамзина появляется уже (очевидно, не без влияния идей Гердера) представление о своеобразии каждой национальной культуры и ее ценности: «Калидас для меня столь же велик, как Гомер» (II, 118). Работая над текстом «Писем русского путешественника», Карамзин стремится выявить своеобразие каждого народа, с которым ему удалось познакомиться. Показательно, в частности, отрицательное суждение путешественника о характере жителей Лозанны, совмещающих в себе черты и французов и швейцарцев: «Сие смешение для меня противно. Целость, оригинальность! Вы во всем драгоценны; вы занимаете, питаете мою душу — всякое подражание мне неприятно» (I, 283). Карамзин еще далек от постижения диалектики общечеловеческого и национального: первое он склонен ставить выше второго, но важно,

¹⁹ Московский журнал, 1791, ч. 1, кн. 1, с. 98—99.

²⁰ См.: Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. Л., 1980, с. 39—42.